УДК 159.9

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА С ПОЗИЦИИ КУЛЬТУРНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА¹

© 2020 г. М. С. Гусельцева

*Психологический институт РАО;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Россия.
Доктор психологических наук.
E-mail: mguseltseva@mail.ru*

Поступила 03.12.2018

Аннотация. Текущие трансформации современности обнаруживают скрытый потенциал психологии субъекта, делают востребованной категорию субъекта в психологии и в смежных науках. Целью статьи является рассмотрение проблемы субъекта с позиции культурно-аналитического подхода в психологической науке и за ее пределами; анализ понятий “субъект”, “субъектность” и “субъективность”, а также обсуждение развития психологии субъекта в перспективе трансдисциплинарности. Показана преемственность интеллектуального наследия А.В. Брушлинского и современных поисков психологической науки. Утверждается, что “субъект” потенциально выступает одной из связующих категорий как в поле общепсихологического знания, так и в сфере взаимодействия психологии и социогуманитарных исследований. Латентные изменения в понимании субъектности и субъективности становятся видимыми на стыке психологии и смежных наук. Каждый эпистемологический поворот в сфере социогуманитарного знания раскрывает новые ракурсы понимания субъекта; модель единой и самоотдественной субъектности сменилась представлением о конструировании и репрезентации множества субъективностей, обусловленных прежде всего текущими изменениями. Современные антропологические исследования выявляют латентно идущие в российском обществе процессы: усиление субъектности, личностной автономии, психологической и гражданской зрелости. В фокусе внимания истории культуры и антропологических наук представлен сегодня субъект, изменяющийся от модерна к постмодерну и обретающий в этом процессе все более дифференцированные качества. В свою очередь, это побуждает психологическую науку к ревизии и уточнению описывающих современного человека терминов. Обосновывается актуальность психологии субъекта в свете решения психологических задач сегодняшнего дня.

Ключевые слова: методология, культурно-аналитический подход, трансдисциплинарный подход, субъект, субъектность, субъективность.

DOI: 10.31857/S020595920008570-3

Понятие субъекта выступает сегодня одним из важных понятий в российской психологии [1; 5; 7; 13; 22; 25–27 и др.]. Наряду с этим разработка психологии субъекта обнаруживает скрытый теоретический потенциал, который активизируется в ответ на запросы сегодняшнего дня, проявляется в изменяющихся контекстах современности и может быть выявлен посредством разных подходов. Появляющиеся в наши дни гуманитарно-ориентированные психологические поиски, например такие, как психология повседневности, психология

понимания, антропологический, культурно-аналитический и трансдисциплинарный подходы, позволяют раскрыть в проблеме субъекта новые грани, используя для интерпретации психологических феноменов ресурсы смежных наук.

Особую значимость в наши дни категория субъекта приобрела в связи с так называемым *антропологическим поворотом* в социогуманитарном познании и нарастающими тенденциями *персонализации* в трансформирующемся мире [2]. Последнее делает востребованными поисковые стратегии в исследованиях сложных и неоднозначных культурно-психологических феноменов, побуждает сопоставлять разные ракурсы анализа, пересматривать сложившиеся представления, апробировать в психологии неканонические приемы и методы.

¹ Основой данной статьи послужил доклад “Субъект как проблема современной психологии” на Всероссийской конференции “Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности”. Москва, ИП РАН, 22–23 ноября 2018 г.

*Трансдисциплинарный подход*² выступает здесь в роли коммуникативного пространства для обмена разными дискурсами и исследовательскими приемами. Трансдисциплинарность³ как таковая представляет собой движение сквозь дисциплины, предполагает принципиальную открытость новому и отсутствие заранее заданных схем мышления. Методы и методологии здесь апробируются и гибко подстраиваются непосредственно в ходе исследования [11; 16]. Однако если трансдисциплинарный подход интегрирует психологическое и смежные знания на общенаучном уровне методологии науки, то конкретно-научную интеграцию на стыке психологии и социогуманитарного познания позволяет осуществить *культурно-аналитический подход* [10].

На рубеже XX–XXI вв. А.В. Юревич сформулировал методологические проблемы развития отечественной психологии, связанные с необходимостью преодоления разрывов по трем направлениям: 1) настоящего и прошлого науки; 2) ее теории и практики; 3) раздробленности локальных исследований при возрастании объема общенаучного знания [30]. В ответ на эти проблемы, обусловленные сложностью и разнообразием познавательных полей современной науки, разработка психологии субъекта в перспективе культурно-аналитического и трансдисциплинарного подходов являет три направления возможной интеграции исследований.

1. Преемственность прошлого, настоящего и будущего психологии осуществляется посредством развития ее понятий и категорий, и категория субъекта в этом плане не стала исключением [5; 26]. Осмысление того, как менялись представления о субъекте в эволюции психологического знания, позволяет, с одной стороны, превратить историю науки в основу для построения образов ее будущего, с другой — продуктивнее использовать интеллектуальные традиции прошлого в решении задач современности.

2. В перспективе сближения теоретических и прикладных проблем психологии субъект выступает в качестве понятия, обращенного к активности и деятельности человека в мире его повседневности, где опора на текущие жизненные практики делает востребованным и “заземленным” теоретическое осмысление трансформаций, происходящих как в глобальном мире, так и непосредственно

с субъектом. Психология повседневности становится здесь направлением исследований, переосмысливающим понятие субъекта и фокусирующимся на контекстуально изменяющейся (текучей) субъективности [9].

3. С позиции культурно-аналитического подхода “субъект” является не только общепсихологической, но и потенциально трансдисциплинарной категорией (т.е. способствующей интеграции тематических исследований поверх дисциплинарных границ), а непосредственное взаимодействие психологического и социогуманитарного знания происходит посредством обращения к проблемам трансформации субъектности и субъективности в современном мире [14; 31]. Культурно-аналитический подход выступает здесь методологической стратегией, ищущей ответы на вопросы психологии в пространстве смежных наук и переосмысливающей проблему субъекта посредством изменяющихся контекстов и оптики социогуманитарных наук. В свою очередь, трансдисциплинарный подход задает искомые объемность и многомерность анализа в изучении современного человека (субъекта), где наложение контекстов и смена ракурсов рассмотрения становятся предпосылками достижения новизны.

Цель данной статьи — с позиции культурно-аналитического подхода рассмотреть грани проблемы субъекта, находящиеся вне фокуса внимания психологической науки, соотнести в этих концептуальных рамках понятия “субъект”, “субъектность” и “субъективность”, а также обсудить возможности развития психологии субъекта в перспективе трансдисциплинарности. Статья носит дискуссионный характер и представляет авторскую интерпретацию проблемы субъекта, в которой делается акцент на изменяющихся социокультурных контекстах и на использовании трансдисциплинарных стратегий. Этой направленностью обусловлен тот факт, что за рамками статьи остаются многие работы, посвященные проблеме субъекта в психологии (диалектика субъективности и объективности, проблематика субъекта познания, субъекта деятельности, уровней субъектности и т.п.).

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА — СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ (О СОВРЕМЕННОСТИ ИДЕЙ А.В. БРУШЛИНСКОГО)

Обращаясь к научной биографии и творческому наследию А.В. Брушлинского из познавательных контекстов сегодняшнего дня, необходимо заметить, что вопросы, которые он исследовал

² Под трансдисциплинарным подходом понимается совокупность идей, принципов и познавательных практик, направленных на интеграцию знания поверх дисциплинарных границ и развивающих “холистическое видение”.

³ Трансдисциплинарность — это исследовательская стратегия, развивающая “холистическое видение” и на этом основании преодолевающая дисциплинарные границы [16, с. 24].

в 1960–1980-е гг. (в контексте СССР), в 1990–2000-е гг. (на переломе эпох, в ситуации психологически иной страны, трансформирующейся и обретающей новые идентичности), актуальны и современны в наши дни (в новую эпоху турбулентности и текущих изменений).

Например, *искусственный интеллект* — одна из широко обсуждаемых тем современности. Показательно, что размышления А.В. Брушлинского об искусственном интеллекте появились в 1970–1980-е гг. [6]. Это идея *гуманизма* в психологии и антитоталитаристская теория умственного и нравственного развития. До сих пор актуально звучат слова А.В. Брушлинского о том, что основы гуманизма подрываются, когда общество односторонне навязывает субъекту свои нормы и правила, делая его объектом внешних влияний и не предоставляя возможности гармоничной социализации в ладу с общечеловеческими ценностями, собственным духовным развитием и творческой самореализацией: “Лишь некоторые психологи категорически возражали против такой строго регламентированной, авторитарной системы обучения, однако в целом в психологической науке преобладали теории и идеи, выражающие и даже оправдывающие столь негуманную педагогическую практику, подрывающую основы подлинной духовности. Многие из таких теорий и идей сохраняются до сих пор, причем их авторитарный характер не только не преодолен, но часто даже не осознается” [7, с. 29]. Возвышение категории субъекта в психологии сопровождается тенденцией гуманизации общества, но помимо субъектоцентрированной системы обучения и воспитания (в сфере социогуманитарных наук эта тенденция получила название *антропологического поворота* [2]) необходима методологическая работа по выявлению авторитарных и антигуманных предпосылок, сохранившихся как в психологических концепциях, так и жизненных практиках. А.В. Брушлинский писал: «Гуманистическая трактовка человека как субъекта противостоит пониманию его как пассивного существа, отвечающего на внешние воздействия (стимулы) лишь системой реакций, являющегося “винтиком” государственно-производственной машины, элементом производительных сил, продуктом (т.е. только объектом) развития общества. Такое антигуманистическое понимание человека, характерное для идеологии и практики тоталитаризма (в частности, для сталинизма и неосталинизма), до сих пор сохраняется» [7, с. 5].

Современное изучение динамики ценностей находит выражение в понятии *духовность*, которое А.В. Брушлинский подчеркнуто отделял

от религиозности и потенциал которого был недостаточно раскрыт именно в психологических концепциях. Он справедливо отмечал, что “воспитание духовности невозможно без самовоспитания”, и чем взрослее становится человек, тем более важную роль в его жизни играют саморазвитие и самоформирование. Взгляд на человека с позиции гуманизма позволил поставить вопрос, в принципе немислимый при тоталитарном устройстве: “насколько другие люди и общество в целом имеют моральное право воспитывать, формировать ребенка, подростка, юношу, вообще любого человека в духе строго определенных нравственных ценностей” [7, с. 28]. Этот гражданский и гуманистический пафос психологии субъекта особенно значим в ходе современных трансформаций нашего общества.

Континуально-генетический метод как разновидность системного подхода оказывается востребован сегодня в связи с обсуждениями феноменологии транзитивности, текучести, социокультурных трансформаций и мобильной идентичности [9].

Наконец это *проблема субъекта*, ставшая в наши дни одной из значимых тем как в психологии, так и в смежных науках. В связи с последним выделим ряд нуждающихся в уточнении вопросов на стыке психологии и социогуманитарного знания. В первую очередь это *необходимость более тонкой дифференциации понятий для описания сегодняшних изменений*. В работах С.Л. Рубинштейна понятия “субъект”, “личность” и “человек” нередко выступали как синонимы [1]. Однако уже А.В. Брушлинский считал необходимым дифференцировать представление о *социальном* и *общественном* в развитии человека, а также различать понятие субъекта как общечеловеческое качество (обозначим это как *субъект-1*) и как высшую степень развития человека (*субъект-2*): “Всегда связанное с природным социальное — это всеобщая, исходная и наиболее абстрактная характеристика субъекта и его психики в их общечеловеческих качествах. Общественное же — это не синоним социального, а более конкретная — типологическая — характеристика бесконечно различных частных проявлений всеобщей социальности: национальных, культурных и т.д.” [7, с. 22]. Такого рода дифференциация обусловлена изменившимся масштабом проблемы и сместившимся к концу XX в. исследовательским фокусом в проблеме субъекта.

В наши дни понятия “субъект”, “субъектность” и “субъективность” снова требуют осмысления и дифференцированного подхода в связи с изменяющимся социокультурным контекстом и трансдисциплинарными тенденциями в развитии науки [11];

16]. Сопоставление представлений о субъекте в психологическом и социогуманитарном ракурсах не только способствует обновлению взгляда, но и служит предпосылкой для дискуссий, выявляющих скрытые точки роста в развитии психологии субъекта.

СУБЪЕКТ, СУБЪЕКТНОСТЬ, СУБЪЕКТИВНОСТЬ

В современной российской психологии субъект чаще всего трактуется как “человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности” [40, с. 82]. Одновременно это абстрактное понятие, обозначающее сущностное качество каждого человека — его способность как быть, так и потенциально выступить субъектом той или иной активности. Именно в этом плане понятие “субъект” объединяет в человеке измерения природного (индивидуальность), социального (личность), персонального (индивидуальность) и духовного (творец, автор и актер). Таким образом, возникает терминологическая проблема, на которую обращали внимание как А.В. Брушлинский, так и В.А. Татенко [7; 27]. Для последнего “категория субъекта подчеркивает естественное для человеческой природы стремление к свободе и независимости, автономности и суверенности, самодетерминации и самоактуализации” [31, с. 381].

Согласно результатам диссертационного исследования Н.В. Богданович, эволюция категории “субъект” в истории российской психологии подчинена следующей динамике: “от... философской категории — к психологическому понятию, от психологического понятия — к категории психологии” [5, с. 16]. С позиции культурно-аналитического подхода эта эволюция сегодня продолжена в трансдисциплинарном измерении, где новые грани психологических категорий раскрываются в оптике социогуманитарных наук [11].

Вопросы о критериях субъекта (и субъектности) также до сих пор остаются дискуссионными, и в дискуссиях происходит осмысление неразработанности понятий и обнаружение новых смысловых лакун. А.В. Брушлинский неоднократно утверждал, что человек не рождается субъектом, но становится им в деятельности, в общении, в реализации разных видов активности. Однако Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков и Н.Е. Харламенкова справедливо отмечают, что “субъектность остается целостной психологической характеристикой человека в течение всей его жизни: человек рождается субъектом и умирает субъектом, учитывая уровневые критерии субъектности” [24, с. 90].

Рассмотренная с этой позиции *субъектность* предстает в качестве сущностной характеристики человека, при том что в ходе его развития “субъективные характеристики все время меняются, стремясь ко все большей индивидуализации и уникальности”, из чего и следует, что *субъективность* выступает психодинамической характеристикой [24]. Таким образом, “субъектность означает отнесенность к субъекту, присущее субъекту, понимаемому как непреложное свойство человеческой сущности”, а “субъективность означает отнесенность к внутреннему миру индивидуального человека, его уникальности, неповторимости” [24, с. 90].

В современных же социогуманитарных исследованиях субъект нередко понимается как *актор* (деятель), *агент* (проводник идей), *автор* (создатель) [14; 15; 18; 20]. Наряду с тем что исследователи понимают под субъектностью разную феноменологию, при внимательном рассмотрении оказывается, что даже в психологии речь идет о качественно разной субъектности, что, в свою очередь, указывает на необходимость поиска дополнительных уточняющих терминов. Иными словами, обнаруживается проблема *множащейся субъектности* (феноменальной реальности, не нашедшей отражения в особых понятиях): например, *человек рождается субъектом-1 как автором и актором* (пусть изначально и примитивной психической деятельности и активности), но *не рождается субъектом-2 как носителем сформированной субъектности* (с самосознанием, автономностью, интегрированной целостностью, ответственностью и т.п.).

В нашем представлении субъект-2 есть идеал развития субъекта — своего рода *постсубъект*, состояние, к которому в онтогенезе и жизненном пути человека следует прийти; тогда как младенец обладает протосубъектностью: субъект-1 — это *протосубъект*, им человек рождается, новорожденный не есть “чистая доска”, не “пластилин” для формирования субъектности, а сгусток автопоэтической психической активности, с присущими ему “внутренними условиями” и самопричинностью как источником спонтанной витальности. Рассуждая в логике континуально-генетического анализа [24] и принимая в расчет, что наше бытие, наша психика континуальны, невозможно утверждать, что в родившемся человеке нет ни субъектности, ни субъективности. В новорожденном отсутствуют выраженные, сформированные субъектность и субъективность, но одновременно наличествуют *латентные субъектность и субъективность*.

Другой важной темой остается обсуждение семантических полей психологических терминов, описывающих человека [22]. В этой связи хотелось

бы подчеркнуть, что понятия индивида, индивидуума, личности, субъекта, индивидуальности не следует онтологизировать: за ними лежат не отдельные структуры и психологические реальности, из которых данный человек состоит, но наши собственные ракурсы анализа, фокусировки взгляда на человека [10]. Личность ли есть стержневая структура субъекта или субъект управляет развитием личности — речь идет о развитии целостного человека и о поиске способов понимания через точность описания этого развития.

Наложение же психологического и социогуманитарного ракурсов анализа позволяет поставить вопрос: если “личность задает направление движения, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека” [24, с. 88], является ли субъект как *актор* и *автор* “слепым” относительно направления и ценностей собственного развития? С концептуальной позиции, где личность рассматривается как продукт работы (активности, действий и деятельности) субъекта во внешнем, социальном мире: *субъектность* как стихийная и творческая сила, преобразаясь в *социальности* (в столкновении и взаимодействии с обществом, с другими людьми), становится *персональностью* — направленной активностью (действием, деятельностью, деяниями) субъекта и личности в их нераздельности единого человека.

С позиции культурно-аналитического подхода *субъект* тоже рассматривается как автор произведения текущей жизни, биографии, жизненного пути [10]. Его характеризуют такие качества, как субъектность и субъективность. При этом понятие субъектности может включать в себя разные феномены и состояния (многие из которых не имеют на сегодняшний день отдельного термина). *Субъектность* объединяет психическую активность и самопричинность, психологическую саморегуляцию и самоорганизацию, социальную позицию личности в жизненном пространстве и самостроительство индивидуальности. *Субъективность* предполагает оригинальный взгляд на мир, сознательное или неосознанное творчество жизненного стиля.

Принятие идеи континуальности в развитии субъекта — от протосубъектности к зрелости (акме) — ставит вопрос о каждый раз особой субъектности и субъективности *индивида, личности, индивидуальности* в плане разных уровней и конфигураций интеграции всех этих описательных структур. Представляется, что аналитическая стратегия Е.А. Сергиенко, используемая для анализа онтогенетической динамики субъекта и личности [23],

может быть применена и для анализа субъекта и индивида, субъекта и индивидуальности. Как было показано ранее, соотношение структур, персонализированных психологическими понятиями “субъект”, “личность”, “индивид” и “индивидуальность”, меняется и вступает в различные конфигурации на протяжении онтогенеза, а следовательно, с опорой на общепсихологические закономерности и инверсии развития можно предположить, что на ранних этапах онтогенеза преобладает активный субъект в композиции с индивидом; затем в процессе социализации ведущую роль играет субъект в композиции с личностью, в дальнейшем соотношение меняется в результате возрастания социализирующей роли личности; в период же психологической и личностной зрелости человека на передний план выходит тандем субъекта и индивидуальности, что находит выражение в значимости свободолобия, творческой продуктивности, личной ответственности и способности к самостоянию [10]. Особенности субъектности индивида, личности, индивидуальности, творца еще ожидают детализированного описания и феноменологических иллюстраций. Субъектность же в целом с позиции культурно-аналитического подхода отражает здесь векторы психологической и личностной зрелости, интегративности психического в человеке.

Совсем иное качество субъектности представляет собой “групповой субъект”. Не исключено, что субъектность индивидуальности здесь элиминируется, но возникает иная субъектность, способная быть как *продуктивной*, т.е. развивающей и для индивидуального субъекта, и для группы, так и *деструктивной* (и здесь психология субъекта попадает на исследовательское поле, представленное сегодня работами А.Н. Поддьякова [21]). Делая допущение о разных типах и качестве субъектности, мы последовательно обнаруживаем, что и “коллективный субъект” содержит антиномию субъектности коллектива как целого и субъектности индивидуума в коллективе. Если первая возрастает в ходе социально-психологического развития организации, то вторая может и продуктивно развиваться, и оказаться подавленной. Развитие субъектности отдельного члена такой организации обусловлено антиномией особенностей коллектива и свойств входящего в него субъекта.

Кроме того, дифференциация субъектности и субъективности происходит по различным основаниям. Если Н.В. Богданович характеризует *субъектность* как “появление активно-преобразующих свойств и способностей человека”, а *субъективность* — как проявление его внутреннего мира [5,

с. 10], то представители социогуманитарных наук в первом случае выделяют такое качество, как *агентность*, а во втором обращаются к анализу производства стилей жизни [15].

Итак, *субъект* здесь в большей степени связан с активностью человека, его агентностью, действием и деятельностью (на языке социальных наук — это *актор*). В психологии *субъектность* отражает деятельность человека во внешнем мире и устанавливает границы его взаимодействий (активность, целостность, автономность есть базовые характеристики субъектности [25]). В.А. Петровский выделяет несколько граней субъектности: “Субъектность — это самопричинность сущего, способность к самосозиданию, самоподдержанию, саморазвитию” [19, с. 61]. *Субъективность* же выражает индивидуальные особенности, неповторимость и уникальность внутреннего мира человека, а также творчество разных стилей жизни. Это понятие также меняет значение контекстуально: от субъективного мировосприятия человека в психологии до трансформации самости (*selfhood*) в истории культуры [14].

В области социогуманитарного познания субъект становится точкой пересечения разных дискурсов [2]. *Поворот к субъективности* повлиял на тематику и стратегии интерпретации в таких областях, как культурная антропология, социальная география, социология, аналитическая психология, постколониальная теория, гендерные исследования и др. [8]. При этом каждый эпистемологический поворот раскрывал новые ракурсы понимания субъекта. Так, в истории науки на смену модели единой и самоидентифицированной субъектности пришло представление о конструировании и репрезентации множества субъективностей, обусловленных текущими изменениями. Более того, возможность саморепрезентации получают сегодня идентичности, которые прежде воспринимались как маргинальные или оставались латентными [14; 31].

В социогуманитарной интеллектуальной традиции имели место разные представления о субъектности: от субъекта как индивидуальности (суверенный субъект) до субъекта как ансамбля общественных отношений. Кардинальные изменения в представлениях о субъекте произошли при смене эпистемологии от классической к неклассической. Так, субъект Нового времени “отчитывается перед самим собой” [18, с. 68], он таков, каким себя мыслит. Субъект XX в. — это “новый субъект”, “субъект социального взаимодействия”, существующий лишь внутри социальных отношений [18]. Постмодернистский субъект — это уже субъект не столько

мыслящий (как во французской рациональной традиции Нового времени) и *действующий* (субъект модерна), сколько *самовыраженный, рефлексивный* и создающий нарративы (обретая в этом процессе единство личности).

В свою очередь, фокусировка на “субъекте модерна” выявила разнообразие граней индивидуализации современного человека, а обнаружение такого свойства как “агентность” (*agency*) потребовало концептуализации *субъектности* в качестве автономного самоопределения личности в социальном пространстве и *субъективности* как творческой самореализации и способности конструирования индивидуальных стилей жизни [15]. Разные грани развивающейся начиная с Нового времени персональности проявлялись как *автономность* (понимаемая в традиции И. Канта как антиномия свободы и ответственности), *идентичность* (в традиции Дж. Локка как рефлексивность и самоидентифицированность), *индивидуальность* (в традиции Г. Лейбница как отличие от других, неповторимость) [21] и собственно *субъективность*. Последнюю постмодерн стремился раскрыть через разнообразие внутреннего опыта и множественность стратегий созидания себя в современности.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В ОПТИКЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ЛАТЕНТНЫЕ СУБЪЕКТНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ

В изучении латентной субъектности и субъективности наиболее продуктивным представляется трансдисциплинарный подход. Он позволяет обнаружить рост и усиление субъектности в динамике социокультурных изменений. Мыслительное пространство охватывает здесь феноменологию саморазвития субъекта, социализации личности, творчества индивидуальности, а также наблюдение за социокультурными, микро- и макросоциальными, глобальными и локальными процессами. Такие науки, как социология, антропология, политология, история культуры, дают психологии материал, касающийся развития и трансформации субъективности. Следует отметить, что в этих науках все большее распространение получают качественные и смешанные методы [8]. Этнографический метод вышел за пределы антропологии и претендует в наши дни на статус общенаучного в социогуманитарном познании [28]. Обоснованию таких методов, как фокус-группы и глубинное интервью, в социологии посвящены работы С.А. Белановского [3]. Именно качественные методы позволяют обнаружить зарождающиеся в современном

обществе тенденции, ускользающие из поля зрения стандартных процедур.

Достоинством трансдисциплинарных исследований⁴ является их эффективность в обнаружении *латентных изменений*, выход за пределы установленных парадигм, способных блокировать инновации. Вопросы поиска инструментария, тонкого и чувствительного к переменам, ревизия водораздела между научностью и вненаучностью в ситуации транзитивности и разнообразия познавательного инструментария являются насущным предметом методологических обсуждений. Ведь зачастую именно нарушение консенсуса и неординарные исследовательские стратегии позволяют заметить те тенденции, которые упускают канонические методы. Сила трансдисциплинарных исследований заключается в том, что именно из совокупности неявных (“слабых”) взаимодействий, обнаруживаемых разными подходами и в сменяющихся ракурсах анализа, складывается более точная и достоверная картина реальности.

Итак, латентные изменения субъектности и субъективности становятся видимыми на стыке психологии и смежных наук. В работе О.В. Хархордина показаны латентные процессы индивидуализации в контексте советской культуры, где идеологическая доминанта коллективистского дискурса подавляла, но не могла отменить развития локальных движений. Парадоксальным образом считавшаяся коллективистской страной Россия породила множество индивидуалистов. Согласно О.В. Хархордину, именно слишком общие термины (в данном случае — “коллективизм” и “индивидуализм”) затрудняют анализ тонких изменений эмпирической реальности. Тенденции персонализации являют в оптике современности разные грани: уважение к личности как идея неотъемлемого достоинства человека; самостоятельность и автономия как идея субъектности; приватность как представление о частной жизни и разнообразии субъективности; саморазвитие и выбор идеала как идея индивидуализации [29]. Анализ повседневных жизненных практик раскрывает, каким образом даже в тоталитарной культуре люди развивали индивидуальность и поддерживали субъектность. В этом плане продуктивной стратегией стал переход к изучению *повседневных практик индивидуализации*. В свою очередь, историки, изучая советскую повседневность, показывают, как на протяжении

XX в. в глубинах советского общества продолжалась *латентная модернизация* — переход от традиционного стиля жизни к обществу модерна [17].

В серии исследований, выполняемых под руководством М.Э. Дмитриева (сотрудничество экономиста, социолога и психолога), зафиксированы качественные сдвиги в текущем умонастроении россиян [4; 12]. Изменения массового сознания в фокус-группах выявлялись каждый раз до того, как отражались в социологических опросах⁵. Среди фундаментальных сдвигов отмечены *запрос на изменения*, возросшая *готовность к переменам*; отказ от парадигмы сильной власти, преодоление патернализма; переключение на внутренний локус контроля; нарастающие тенденции отчуждения от власти и потребность в интеграции с обществом, а также стремления к гражданскому участию, социальному активизму, “качеству жизни”. Общий вектор гуманизации выразился в транзите от модели *человек для государства* к *государству для человека* [4; 17]. С позиции культурно-аналитического подхода отметим здесь рост субъектности в российском обществе, исторически страдающем от ее недостаточности (неагентивности) [10]. Таким образом, материалы исследования косвенно выявляют *латентный рост гуманизма и субъектности*.

Если предыдущие исследования 2011–2013 гг. свидетельствовали о преобладании внешнего локуса контроля, особенно у респондентов за пределами мегаполисов, то в исследованиях 2018–2019 гг. обнаружено усиление личной и гражданской ответственности: 94% респондентов склонно полагаться не на государство, а исключительно на себя и близких. По данным ВЦИОМ и Левада-Центра, “перемен хотят 80–90% респондентов” [4, с. 7]. Обнаружено, что “буквально в каждой из проведенных фокус-групп звучали высказывания респондентов о необходимости изменения менталитета” [4, с. 11]. В сфере ценностных трансформаций отмечается стремление к счастью и самореализации; внутренний локус контроля “способствует критическому восприятию официальной информации”; “усиливается влияние альтернативных коммуникаций, основанных на межличностных отношениях” [Там же]. С позиции культурно-аналитического подхода эти результаты могут быть проинтерпретированы как *феноменология роста субъектности, индивидуализации и горизонтальной солидарности*, а также смена гуманитарного стандарта — от нормы жизни

⁴ Трансдисциплинарные исследования — проблемно-ориентированные исследования, строящиеся на основании трансдисциплинарности, т.е. игнорирующие дисциплинарные границы, ориентированные на холизм, объединяющие различные познавательные стратегии.

⁵ Авторами использовалась смешанная методология: методы качественной социологии (в основном фокус-группы) сочетались с психологическими тестами; для верификации полученные результаты затем сопоставлялись с данными количественных опросов Левада-Центра [4].

“человек как средство” (отсутствие автономной личности) к норме “человек как цель” (где субъектность выделена из корпоративной идентичности). В целом же текущая культурно-психологическая трансформация по масштабу, на наш взгляд, может быть сравнима как с итальянским ренессансом, так и российским серебряным возрождением начала XX в.

Важные материалы для анализа предоставляют антропологические исследования ВШЭ, опубликованные в тематическом сборнике [28]. Представители разных дисциплин изучали аспекты самозанятости, отчуждения от государства и индивидуальные стратегии выживания. Исследования дают повод критически пересмотреть представления о коллективизме российского общества, выявляют латентно идущие в нем процессы, такие как: *усиление субъектности, личностной автономии, психологической и гражданской зрелости россиян*: “Человек в России, вопреки стереотипам, самостоятелен и независим” [28]. Благодаря тому что латентные движения субъективации и индивидуализации, “подспудные ценности” российской жизни оказались в фокусе внимания социологов, политологов и антропологов, психология имеет возможность осмыслить процессы, которые И. Кант называл *мужеством пользоваться собственным разумом*, считая последнее вехой зрелости человечества.

В фокусе истории культуры и антропологических наук представлен субъект, изменяющийся от модерна к постмодерну и обретающий все более дифференцированные качества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С позиции культурно-аналитического подхода современный субъект представлен латентной динамикой субъектности и субъективности, что находит отражение, с одной стороны, в разнообразии стилей жизни, а с другой — в потенциале психологической и гражданской зрелости. *Эти процессы не столь очевидны, если наблюдать за ними исключительно из оптики психологии, однако становятся заметными в трансдисциплинарных перспективах психологии и смежных социогуманитарных наук.*

В нюансировании разных граней характеризующих человека понятий проявилась тенденция развития психологической науки, описываемая *принципом антиномичности*, согласно которому стремление к интеграции разных подходов сочетается с дифференциацией и более тонким различением исследуемой реальности. В свете этого принципа психология одновременно становится

и более точной, и более тонкой наукой, чувствительной к трансформациям человека, его изменяющимся субъектности и субъективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Анциферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004. С. 350–366.
2. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Нов. литератур. обозр., 2017.
3. *Белановский С.А.* Глубокое интервью и фокус-группы: учеб.-метод. пособие. 4-е изд. М.: ИНФРА-М, 2019.
4. *Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Никольская А.В.* Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян // *Общественные науки и современность*. 2019. № 1. С. 5–18.
5. *Богданович Н.В.* Субъект как категория отечественной психологии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
6. *Брушлинский А.В.* Возможен ли искусственный интеллект? // *Психологические исследования интеллектуальной деятельности*. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 16–22.
7. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1994.
8. *Бусыгина Н.П.* Методология качественных исследований в психологии. М.: ИНФРА-М, 2013.
9. *Гришина Н.В.* Проблема концептуализации контекста в современной психологии // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20
10. *Гусельцева М.С.* Рождение психологии субъективности из духа человекознания // *Вопросы психологии*. 2018. № 1. С. 3–15.
11. *Гусельцева М.С.* Трансдисциплинарный подход в современной психологии // *Вопросы психологии*. 2018. № 5. С. 3–12.
12. *Дмитриев М.Э., Никольская А.В., Черепанова Е.В.* Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // *Общественные науки и современность*. 2019. № 2. С. 19–34.
13. *Знаков В.В.* Новый этап развития психологических исследований субъекта // *Вопросы психологии*. 2017. № 2. С. 3–16.
14. *Кедрик Т.В.* Современные концепции субъективности в контексте “визуального поворота” // *Филология, искусствоведение и культурология: актуальные вопросы и тенденции развития: Материалы междуточной научно-практич. конференции*. Ч. 1.

- Новосибирск: Сибир. ассоц. консультантов, 2012. С. 27–33.
15. *Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М.: Практикс, 2017.
 16. *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. № 10 (112). С. 193–201.
 17. *Лебина Н.* Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М.: Нов. литератур. обзор., 2019.
 18. *Марков А.В.* Постмодерн культуры и культура постмодерна. М.: Рипол-классик, 2018.
 19. *Петровский В.А.* Начала мультисубъектной персонологии // Развитие личности. 2010. № 1. С. 55–72.
 20. *Плотников Н.С.* От “индивидуальности” к “идентичности” (история понятий персональности в русской культуре) // Нов. литератур. обзор. 2008. № 91. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/pl5-pr.html> (дата обращения: 29.11.2018).
 21. *Поддьяков А.Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Высшая школа экономики, 2014.
 22. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
 23. *Сергиенко Е.А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.
 24. *Сергиенко Е.А., Знаков В.В., Харламенкова Н.Е.* Индивидуальный субъект // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 63–115.
 25. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
 26. Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
 27. *Татенко В.А.* Проблемы субъекта в современной психологии (украинская школа) // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Отв. ред. К.А. Абульханова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011. С. 371–387.
 28. *Трудолобов М.* (Сост.). Бегство. Жизнь без государства в России начала XXI века // InLiberty, 2018. URL: <https://www.inliberty.ru/magazine/issue6/> (дата обращения: 29.11.2018).
 29. *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2016.
 30. *Юревич А.В.* Психология и методология. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
 31. *Тео Т.* From psychological science to the psychological humanities: Building a general theory of subjectivity // Review of General Psychology. 2017. V. 21 (4). P. 281–291.

PROBLEM OF A SUBJECT IN THE PERSPECTIVE OF THE CULTURAL-ANALYTICAL APPROACH⁶

M. S. Guseltseva

*Psychological Institute of Russian Academy of Education;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 9/4, Russia.
ScD (Psychology). E-mail: mguseltseva@mail.ru*

Received 03.12.2018

Abstract. The current transformations and problems of modernity reveal the hidden potential of the psychology of the subject, which makes the category “subject” especially significant and relevant both in psychology and in humanities. The purpose of the article is to examine the problem of the subject from the perspective of the cultural-analytical approach; to analyze the concepts of “subject”, “subjectness” and “subjectivity”; to discuss the development of the subject’s psychology in the perspective of a transdisciplinary approach. There is a connection between an intellectual heritage by A.V. Brushlinsky and modern psychology. It is proved that the “subject” is a connecting category both in the field of general psychological knowledge and in the sphere of socio-humanitarian research. Latent changes of subjectness and subjectivity become visible at the

⁶ The basis of this article was a report named “Subject as a Problem of Modern Psychology” at the All-Russian Conference “Human Psychology as a Subject of Knowledge, Communication and Activity”. Moscow, IP RAS, November 22–23, 2018.

intersection of psychology and humanities. Each epistemological turn in the field of socio-humanitarian knowledge revealed new perspectives of the subject's understanding; the model of a single and self-identical subjectivity has been replaced by the idea of the design and representation of a multitude of subjectivities, primarily due to the current changes. A productive methodological strategy is a transition from general reasoning about the subject to the study of everyday practices of how people created their own subjectivity and individuality in different historical and cultural epochs. Modern anthropological studies reveal latent processes in Russian society: the birth of subjectivity, personal autonomy, psychological and civic maturity. The focus of the contemporary humanities presents a subject who changes from modern to postmodern and acquires ever more differentiated qualities in this process. All this stimulates psychology to revise and clarify the terms describing nowadays human. The relevance of the subject's psychology capable of solving the tasks of today is justified in this article.

Keywords: methodology, cultural-analytical approach, transdisciplinary approach, subject, subjectness, subjectivity.

REFERENCES

1. *Ancyferova L.I.* Psihologicheskoe sodержanie fenomena sub"ekt i granicy sub#ektno-dejatel'nostnogo podhoda. Ancyferova L.I. *Razvitie lichnosti i problemy gerontopsihologii*. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2004. P. 350–366. (in Russian)
2. *Bahmann-Medik D.* Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture. Moscow: Nov. literatur. obozr., 2017. (in Russian)
3. *Belanovskij S.A.* Glubokoe interv'ju i fokus-gruppy: ucheb.-metod. posobie. 4-e izd. Moscow: Infra-M, 2019. (in Russian)
4. *Belanovskij S.A., Dmitriev M.Je., Nikol'skaja A.V.* Priznaki fundamental'nyh sdvigov v massovom soznanii rossijan. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2019. № 1. P. 5–18. (in Russian)
5. *Bogdanovich N.V.* Sub"ekt kak kategorija otechestvennoj psihologii: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2004. (in Russian)
6. *Brushlinskij A.V.* Vozmozhn li iskusstvennyj intellekt? Psihologicheskie issledovanija intelektual'noj dejatel'nosti. Moscow: Izd-vo MGU, 1979. P. 16–22. (in Russian)
7. *Brushlinskij A.V.* Problemy psihologii sub"ekta. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1994. (in Russian)
8. *Busygina N.P.* Metodologija kachestvennyh issledovanij v psihologii. Moscow: Infra-M, 2013. (in Russian)
9. *Grishina N.V.* Problema konceptualizacii konteksta v sovremennoj psihologii. *Social'naja psihologija i obshhestvo*. 2018. V. 9. № 3. P. 10–20. (in Russian)
10. *Gusel'ceva M.S.* Rozhdenie psihologii sub"ektivnosti iz duha chelovekoznanija. *Voprosy psihologii*. 2018. № 1. P. 3–15. (in Russian)
11. *Gusel'ceva M.S.* Transdisciplinarnyj podhod v sovremennoj psihologii. *Voprosy psihologii*. 2018. № 5. P. 3–12. (in Russian)
12. *Dmitriev M.Je., Nikol'skaja A.V., Cherepanova E.V.* Osennij perelom v soznanii rossijan: mimoletnyj vsplesk ili novaja tendencija? *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2019. № 2. P. 19–34. (in Russian)
13. *Znakov V.V.* Novyj jetap razvitija psihologicheskikh issledovanij sub"ekta. *Vopr. psihol.* 2017. № 2. P. 3–16. (in Russian)
14. *Kedrik T.V.* Sovremennye koncepcii sub"ektivnosti v kontekste "vizual'nogo povorota". *Filologija, iskusstvovedenie i kul'turologija: aktual'nye voprosy i tendencii razvitiya: mat-ly mezhd. zaochnoj nauchno-praktich. konferencii*. Ch. I. Novosibirsk: Sibir. assoc. konsul'tantov, 2012. P. 27–33. (in Russian)
15. *Kimelev Ju.A., Poljakova N.L.* Modern i process individualizacii: istoricheskie sud"by individa moderna. Moscow: Praxis, 2017. (in Russian)
16. *Knjazeva E.N.* Transdisciplinarnye strategii issledovanij. *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*. 2011. № 10 (112). P. 193–201. (in Russian)
17. *Lebina N.* Passazhiry kolbasnogo poezda. *Jetjudy k kartine byta rossijskogo goroda: 1917–1991*. Moscow: Nov. literatur. obozr., 2019. (in Russian)
18. *Markov A.V.* Postmodern kul'tury i kul'tura postmoderna. Moscow: Ripol-klassik, 2018. (in Russian)
19. *Petrovskij V.A.* Nachala mul'tisub"ektnoj personologii. *Razvitie lichnosti*. 2010. № 1. P. 55–72. (in Russian)
20. *Plotnikov N.S.* Ot "individual'nosti" k "identichnosti" (istorija ponjatij personal'nosti v russkoj kul'ture). *Nov. literatur. obozr.* 2008. № 91. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/p15-pr.html> (data obrashhenija: 29.11.2018). (in Russian)
21. *Podd'jakov A.N.* Komplikologija: sozdanie razvivajushhih, diagnostirujushhih i destruktivnyh trudnostej. Moscow: Vysshaja shkola jekonomiki, 2014. (in Russian)
22. *Razrabotka ponjatij sovremennoj psihologii*. Eds. E.A. Sergienko, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (in Russian)
23. *Sergienko E.A.* Problema sootnoshenija ponjatii sub"ekta i lichnosti. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2013. V. 34. № 2. P. 5–16. (in Russian)
24. *Sergienko E.A., Znakov V.V., Harlamenkova N.E.* Individual'nyj sub"ekt. *Razrabotka ponjatij sovremennoj*

- psihologii. Eds. E.A. Sergienko, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 63–115. (in Russian)
25. Sub'ekt, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija. Eds. V.V. Znakov, Z.I. Rjabikina. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2005. (in Russian)
26. Sub'ektnyj podhod v psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, Z.I. Rjabikina, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. (in Russian)
27. *Tatenko V.A.* Problemy sub"ekta v sovremennoj psihologii (ukrainskaja shkola). Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna. Ed. K.A. Abul'hanova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2011. P. 371–387. (in Russian)
28. *Trudoljubov M.* (Sost.). Begstvo. Zhizn' bez gosudarstva v Rossii nachala XXI veka. InLiberty, 2018. URL: <https://www.inliberty.ru/magazine/issue6/> (data obrashhenija: 29.11.2018). (in Russian)
29. *Harhordin O.* Oblichat' i licemerit': genealogija rossijskoj lichnosti. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v SPb., 2016. (in Russian)
30. *Jurevich A.V.* Psihologija i metodologija. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2005. (in Russian)
31. *Teo T.* From Psychological Science to the Psychological Humanities: Building a General Theory of Subjectivity. Review of General Psychology. 2017. V. 21 (4). P. 281–291.